
СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Надежда Нартова, Анастасия Саблина

Евгения Кузинер, Дарья Петрунина

АНАЛИЗ ДИСКУРСИВНЫХ РЕЖИМОВ ПЕРЕХОДА ВО ВЗРОСЛОСТЬ В НОРМАТИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Молодость как жизненный этап предполагает постепенное обретение навыков и компетенций, позволяющих достичь статуса взрослого. Современные модели перехода во взрослость все больше уходят от линейности и предзаданности, предполагавшихся модернистским жизненным курсом, становясь более гибкими и зависимыми от индивидуального биографического выбора. При этом несмотря на «приватизацию» и «персонализацию» процесса становления взрослым, успешность транзиции во многом зависит от социо-экономических условий, различных видов неравенства и национальной социальной политики. Реализуемая государством молодежная политика играет одну из важнейших ролей в организации возможных

Надежда Андреевна Нартова – ст. н. с., Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: nnartova@hse.ru

Анастасия Андреевна Саблина – ассоциированный сотрудник, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: aaSablina@gmail.com

Евгения Николаевна Кузинер – стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: ekuziner@hse.ru

Дарья Сергеевна Петрунина – стажер-исследователь, Центр молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: dpetrunina@hse.ru

и доступных для молодежи режимов перехода во взрослость. Статья выстраивается на пересечении двух перспектив: анализа моделей молодежной политики и анализа транзисии во взрослость. В фокусе статьи дискурсивные режимы транзисии во взрослость в нормативных документах молодежной политики современной России. Опираясь на анализ федеральных нормативных документов молодежной политики РФ за период 1990–2020 гг., демонстрируется, что артикуляция транзисии во взрослость существенным образом менялась на протяжении последних тридцати лет. Выделяются четыре сменяющих друг друга доминирующих типа дискурса, задающих рамки режимов перехода в конкретные периоды времени: 1990 гг. – режим избирательного патернализма; 2001–2005 гг. – режим воспитания и вмененной ответственности; 2006–2014 гг. – воспитательно-протекционистский режим; 2015–2020 гг. – режим мобилизации. Ключевой особенностью молодежной политики РФ является постепенное исчезновение из документов горизонта взрослости для молодежи и конституирование молодости как автономного жизненного этапа. А сами молодые все больше рассматриваются как ресурс и готовая к мобилизации группа здесь и сейчас, нежели как потенциальные автономные взрослые.

Ключевые слова: молодежь, взросление, режимы перехода, молодежная политика, дискурс

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22

Молодежь, и шире молодость, в публичных дискуссиях концептуализируются по-разному: как ресурс (трудовой, репродуктивный, гражданский или политический), как социальная проблема или «проблемная» группа населения, как «уязвимая» группа с необходимостью поддержки или же как «будущее» (Follesø 2015; Brendtro, Brokenleg 2009). Однако молодость – это не только автономный жизненный период, но и «переход», процесс научения быть «взрослым» (транзисия). Молодость является транзитным периодом между объективированным состоянием ребенка/подростка и субъектностью «взрослого», обладающего полным спектром прав и обязанностей (Evans 2008). Соответственно, для молодежной политики встает вопрос не только воспитания, контроля или защиты, но сопровождения и помощи в процессе взросления.

Жизненный курс индивидов во второй половине XX в. выстраивался относительно линейно, предполагая череду сменяющих друг друга этапов с соответствующими возрастными ролями, а транзисии между этими этапами определялись объективными маркерами (Aronson 2008). Однако изменения возрастной структуры общества, социальные и экономические трансформации оказали значительное влияние на жизненный курс и жизненные этапы к началу XXI в.: интенсифицируется детство, меняются логики проживания молодости, а взрослость – индивидуализируется (Côté, Bynner 2008; Schwartz et al. 2005). Границы молодости, как и других

жизненных этапов, становятся подвижными, как в рамках конкретных биографических проектов (Furlong et al. 2011), так и в рамках общих тенденций организации жизненного курса.

Социальная политика государства выстраивается вокруг линейно организованного жизненного пути – она дифференцируется в зависимости от жизненного этапа группы или индивида, фокусируясь на потребностях того или иного возрастного статуса и предоставляя доступ к необходимым сервисам для соответствующих групп (Biggs, Kimberley 2013). Поскольку транзикация во взрослость является переходом от объективированного состояния к субъектному, научение «быть взрослым» требует государственной поддержки, сопровождения и помощи, особенно той молодежи, которая находится в трудном положении и в связи с этим испытывает сложности в транзикации. Более того, если детство/подростковость, молодость и старость оказываются в фокусе внимания социальной политики, то взрослость предполагает наибольшую автономию индивида и минимальную поддержку государства. Соответственно, именно молодость, как жизненный этап предшествующий взрослости, становится ключевым для будущей автономности и благополучия молодых взрослых.

В рамках западной академической дискуссии активно развивается как анализ де-стандартизации жизненного курса (Nico 2014) и индивидуализации транзикации во взрослость (Schoon, Silbereisen 2009), так и критика текущих моделей молодежной политики в связи с её недостаточной социальной инклюзией (Devlin 2010), ригидностью и неспособностью текущих моделей молодежной политики адаптироваться к изменяющимся логикам транзикации во взрослость (McLeod 2012; Bendit, Hahn-Bleibtreu 2008). В России исследователи рассматривают практики формирования и реализации программ молодежной политики (Зубок и др. 2016; Евстратова 2010; Коряковцева 2009), молодежную политику как фактор мобилизации молодежи (Жаринова 2015), интеграционную роль молодежной политики (Меркулов и др. 2015). Социологи критикуют отсутствие инклюзии в государственной молодежной политике (Ярская, Ловцова 2010; Ярская-Смирнова 2010) и наличия дискурсов проблематизации молодежи (Ясавеев 2016). Однако работ, касающихся анализа транзикации во взрослость в рамках существующих молодежных и социальных программ мало (но ср., Чернова, Шпаковская 2020; Митрофанова 2019; Смирнов 2014). Исследователи указывают, что основными лейтмотивами современной молодежной политики России выступают традиционные ценности и патриотизм, при этом не уделяется внимание достижению молодыми людьми автономии (Майборода и др. 2021). Более того, программы направлены преимущественно на «талантливую» и «уязвимую» молодежь, в результате чего большая часть молодых оказывается невидимой для государственной молодежной политики (Подъячев, Халий 2020).

Статья выстраивается на пересечении двух перспектив: анализа моделей молодежной политики и анализа транзикации во взрослость. В фокусе статьи

дискурсивные режимы транзycji во взрослость в нормативных документах молодежной политики современной России. Авторами анализируется как в течение последних тридцати лет в официальных документах артикулировалась и определялась молодость, как она дискурсивно выстраивалась относительно других жизненных этапов, какие модели транзycji легитимировались.

Теоретические основания исследования

Транзycja во взрослость в современных исследованиях концептуализируется не как разовое событие, а как процесс во время которого постепенно приобретаются необходимые атрибуты взрослости (Arnett 2014). Классический переход во взрослость предполагал ряд последовательных событий в жизни индивида: окончание школы, получение профессионального образования, выход на рынок труда, начало самостоятельной жизни, брак, появление детей. Однако современные исследования показывают, что эти этапы могут достигаться не последовательно, поздно, или не достигаться вовсе (Walther 2006). Некоторые исследователи считают, что по сравнению с предыдущими поколениями современная транзycja во взрослость перестала быть четко регулируемой и линейной, напротив, она становится более гибкой и зависимой от индивидуального биографического выбора (Furlong et al. 2011). Это связано и с увеличением агентности молодежи, и с культурной ориентацией на индивидуализацию, и с изменившимися структурными условиями. При этом исследователи признают, что несмотря на «приватизацию» и «персонализацию» становления взрослым, успешность транзycji во многом зависит от социоэкономических условий, различных видов неравенства и национальных социальных политик (Furlong, Cartmel 2006).

Государство играет важную роль в жизни современного человека и организации его жизненного пути, определяя права и обязанности индивида в соответствии с возрастным статусом (Mayer, Schoepflin 1989). Социальная политика ориентирована на оказание поддержки в возможности проживать предписанные возрастные роли и осуществлять переходы между жизненными этапами (Анхо 2010). Исследователи указывают, что социальная и молодежная политика, в более узком ключе, долгое время игнорировали тенденцию к де-хронологизации, биографизации жизненных курсов и нелинейности транзycji во взрослость, предлагая лишь стандартизированные программы и меры поддержки, а то и вовсе двигаясь в сторону «активации» – переноса ответственности за успешную транзycию на самого индивида (van Berkel, Hornemann Møller 2002).

Исследователи проблематизируют существующие программы молодежной политики как недостаточно эффективные, поскольку молодежь в них рассматривается как ресурс для развития государства и национального

благополучия, а проблемам самой молодежи не уделяется достаточного внимания (Roth, Brooks-Gunn 2000). Более того, существующие молодежные политики преимущественно рассматривают успешность или неудачу перехода во взрослость с точки зрения нормативного жизненного курса XX в., а именно – образования и трудоустройства. Однако исследователи подчеркивают, что такой подход более не релевантен, маркеры успешной транзитуции изменяются и преобразовываются, и каждое поколение молодежи создает собственные паттерны исходя из социальных условий (Woodman, Wyn 2013). Неэффективность молодежной политики приводит к тому, что молодые люди вынуждены самостоятельно создавать условия для собственной транзитуции, поскольку структурные условия не предоставляют возможности произвести «здоровый» переход во взрослую жизнь (Ginwright et al. 2005).

Андреас Вальтер анализирует влияние социально-экономических, институциональных и культурных контекстов на взросление молодежи в странах Западной Европы через категорию «режим перехода». Вальтер указывает, что понятие «режим» относится к институциональным установкам, включая ценности и интерпретации, которые они воспроизводят, и описывает то, что считается «нормальным» в конкретном национальном контексте (Walther 2006: 124). На основании анализа типов школьного и профессионального образования, социального обеспечения, общей и женской занятости, представлений о молодости, молодежной безработице и молодежном неблагополучии, направленности политики перехода Вальтер (ibid: 125–129) выделяет несколько «режимов перехода»: универсалистский (Дания, Швеция), либеральный (Великобритания, Ирландия), «ориентированный на трудоустройство» (Германия, Франция, Нидерланды) и субпротекционистский режим (Италия, Португалия, Испания). Несмотря на то, что Восточная Европа не входила в сферу анализа, Вальтер указывает, что «постсоциалистические режимы» характеризуются переходом от универсалистских социалистических моделей к ориентированным на занятость и субпротекционизм (ibid: 124).

Опираясь на концепт «режима перехода» Вальтера, Жанна Чернова и Лариса Шпаковская отмечают, что меры российской социальной политики в отношении молодежи «скорее ориентированы на сохранение зависимой позиции молодых людей в контексте государственного и/или семейного патернализма, нежели на стимулирование автономии, экономической самостоятельности и раннего выхода на рынок труда» (2020: 101), а сам «российский режим перехода связан, прежде всего, с получением послешкольного образования» (там же: 102).

Однако за рамками анализа Вальтера и российских исследователей оказывается темпоральность. Они рассматривают существующие режимы транзитуции как относительно стабильные и задающие определенные модели перехода в течение длительного периода времени. Мы же предполагаем, что социально-экономический, политический и культурный контексты

в современном мире динамично меняются на протяжении последних десятилетий, что приводит и к изменению задаваемых молодежной политикой режимов перехода. В своем исследовании мы опираемся на концепцию Вальтера, и определяем «режимы перехода» как дискурсивно устанавливаемые легитимные модели транзисии во взрослость в нормативных документах государственной молодежной политики РФ. Ограничиваясь только анализом дискуса, мы существенным образом сужаем методологическую перспективу Вальтера, в то же время мы расширяем этот подход за счет добавления временной перспективы, рассматривая изменения в артикуляции взросления в нормативных документах на протяжении 30 лет.

Эмпирическая база и методология исследования

Эмпирическую базу статьи составляют нормативные документы по молодежной политике РФ, принятые и действующие с 1990 по 2020 гг. Основной корпус документов – это распоряжения и постановления правительства, указы президента, федеральные целевые программы, федеральные законы. В качестве дополнительного материала рассмотрены отчеты о реализации федеральных программ, прочие документы, связанные с исполнением молодежной политики на федеральном уровне. Поиск и отбор нормативных документов осуществлялся через поисковые законодательные системы и на сайтах действующих органов власти по ключевым словам «молодежная политика», «молодежь» или вручную. Всего собрано и проанализировано 24 нормативных документа.

Для анализа отобранных документов по молодежной политике выбран комбинированный подход, объединяющий критический дискурс-анализ (Fairclough, Fairclough 2013) и элементы методологии Вальтера (Walther 2006). В рамках анализа нормативных документов сначала рассматривалась дискурсивная артикуляция молодости, в том числе приписываемых ей характеристик и ее позиционирования по отношению к другим жизненным этапам. Затем анализировалось конструирование перехода во взрослость: каким образом он конституируется в нормативном дискурсе молодежной политики, какие логики взросления приписываются не/нормативным траекториям, какие условия определяются как оказывающие влияние на процесс взросления.

Анализ риторики нормативных документов показал, что они аналитически складываются в группы текстов, объединенные общими смысловыми дискурсивными темами. Таким образом выделено несколько сменяющих друг друга доминирующих типов дискурса, задающих рамки режимов перехода в конкретные периоды: 1990-е гг. – режим избирательного патернализма; 2001–2005 гг. – режим воспитания и вмененной ответственности; 2006–2014 гг. – воспитательно-протекционистский режим; 2015–2020 гг. – секьюризованный мобилизационный воспитательно-протекционистский режим.

Важно оговорить, что временные «границы» выделяемых режимов транзитуции во взрослость в данной статье относительно условны, поскольку некоторые документы могут содержать в себе элементы разных режимов одновременно. Однако выделение доминирующих риторик в определении молодости как жизненного этапа и репрезентаций процесса транзитуции позволяют увидеть изменения «режимов перехода» в дискурсе молодежной политике РФ.

Молодежная политика в 1990 гг.: режим избирательного патернализма

Институционализация государственной молодежной политики России в ее современном виде началась в начале 1990 гг. в специфичном социально-экономическом контексте: развал устоявшихся социальных институтов, связанных с сопровождением в процессе транзитуции во взрослость, переход к рыночной экономике, возникновение и обнаружение феноменов, ранее бывших латентными и скрытыми (высокого уровня безработицы, наркопотребления, преступности и т.д.). Хотя патерналистский дискурс продолжал доминировать в социальной политике, у государства значительно сократились ресурсы на поддержку молодых граждан (Ильинский, Луков 2008), и молодежь начала 1990-х оказалась вне государственного надзора, характерного для советской социальной системы (Балакирева 2006).

В официальном дискурсе этого периода молодость не очерчивается хронологически, единственная четко выстроенная граница – это восемнадцатилетие, отмечаемое в нормативных документах как достижение совершеннолетия и завершение периода детства (ФЗ 1998). Транзитуция во взрослость конституируется как социальное становление, а обеспечение доступа к ресурсам для достижения взрослости определяется как «социальная защищенность в период гражданского становления» (Указ Президента 1992).

В то же время молодежь разделяется на две категории, для каждой из которых предполагается «своя» социальная политика. Так, выделяется «социально ущемленная» (Указ Президента 1994) молодежь, нуждающаяся в поддержке и заботе государства. В отношении этой группы, фактически находящейся в сложной жизненной ситуации и чей переход во взрослость откладывается, государство предлагает стратегию экстренной помощи, предоставляя доступ к базовым благам: получению жилья, стабильной занятости и выходу за черту прожиточного минимума для молодых домохозяйств. Для остальной молодежи, которая репрезентируется как более благополучная, предполагается предоставление гарантированного минимума социальных услуг, хотя в большей степени это информирование о правах и возможностях молодежи. В отношении данной группы молодежи государство реализует стратегию минимальных контроля и заботы, определяя в качестве наиболее важной задачу «создание условий для самостоятельной, эффективной деятельности молодежи» (Указ Президента 1994).

В условиях ограниченных ресурсов государство отдает приоритет молодежи, испытывающей острые проблемы, тогда как молодежь, относительно справляющаяся со своей жизнью, остается за рамками государственной поддержки. При этом социальное/гражданское становление для всех групп молодых определяется государственными документами как «максимальное раскрытие потенциала молодежи в интересах развития общества» (Указ Президента 1992). Таким образом, в период 1990 гг. в дискурсе государственной молодежной политики артикулируется избирательный патерналистский режим, в фокусе которого экстренная помощь социально ущемленной молодежи. А «успешная» транзикация во взрослость конституируется как самостоятельный переход к взрослой жизни, который, с одной стороны, снимает с государства заботы об образовании, работе и жилье молодых, а с другой – позволяет ему использовать их как ресурс в сложной социально-экономической обстановке.

Молодежная политика 2000–2005 гг.: режим воспитания и вмененной ответственности

Российские социально-экономические условия значительно меняются в начале 2000 гг. В стране решен ряд острых социальных и экономических проблем, между тем сохраняется социальное расслоение и неравномерный доступ населения, в частности молодежи, к образовательным, трудовым и прочим социально-экономическим ресурсам, отмечался рост безнадзорности, наркопотребления, преступности среди молодых (Савченко 2010). Обобщающий образ молодежи 1990 гг. становится в этот период более конкретным. В нормативных документах молодость начинает обретать хронологические границы – молодежь определяется как граждане от 14 до 25 лет. И более подробно специфицируется внутри через проблематизацию групп, связанных с наркопотреблением, девиантным поведением и т. п. Это ставит вопрос об усилении роли государства в воспитании молодых граждан.

На молодежь в начале 2000 гг. возлагается ответственность за «формирование активной жизненной позиции, готовности к участию в общественно-политической жизни страны и государственной деятельности» (Постановление Правительства 2000). Предполагается и появление «нового поколения» в управлении государством для преемственности властных механизмов и ресурсов, чего не было ранее. Успешность транзикации во взрослость определяется личной самореализацией молодых людей и их интеграцией в общество. При этом наблюдается отсутствие артикуляции предоставления даже минимальных гарантий в области социальных услуг по сравнению с дискурсом 1990 гг.

Дискурсивная модель взросления в основных законодательных документах молодежной политики РФ периода 2000 гг. характеризуется

одновременным режимом государственного воспитания и требованием высокой степени ответственности молодежи не только за собственную транзигию, но и за развитие государства.

Молодежная политика 2006–2014 гг.: воспитательно-протекционистский режим

В данный период, насчитывающий почти десятилетие, в России отмечается стабилизация институционального ландшафта, закрепление наличествующего общественно-политического режима и относительная устойчивость стагнирующей экономики. В середине 2010 гг. появляются проправительственные и лояльные государству молодежные организации – «Наши» и «Молодая гвардия», которые задают публичный образец правильной социализации молодежи. Успешная транзигия во взрослость номинируется в документах этого периода как «успешная социализация и эффективная самореализация» и определяется как наиболее важная задача в инструментальных логиках «развития потенциала молодежи и его использования в интересах инновационного развития страны», которые обеспечиваются «целенаправленным воспитанием самостоятельной, идейной, ответственной молодежи» (Распоряжение Правительства 2006). Практически единственным ограничением для правильной транзигии в документах называется ранняя социоэкономическая эмансипация молодежи. Таким образом, автономия молодежи рассматривается как риски для государства.

Появившаяся в 2001–2005 гг. риторика ответственности молодежи перед государством усиливается и расширяется: молодежь наделяется ответственностью не только за своё взросление, но и за политическое («именно молодые люди должны быть готовы к противостоянию политическим манипуляциям и экстремистским призывам») и культурное («развитие российской культуры и укрепление межпоколенческих и межнациональных отношений») благополучие государства (Распоряжение Правительства 2006).

Во второй половине 2000-х гг. в дискурсе формируется воспитательно-протекционистский режим, в рамках которого легитимная транзигия молодежи во взрослость связывается с научением быть «правильным» прогосударственным молодым и потенциально взрослым.

Российская молодежная политика 2015–2020 гг.: режим мобилизации

К середине 2010 гг. в России происходит ряд социально-политических событий, например, публичные протесты после выборов и присоединение Крыма, которые в значительной мере приводят к усилению государственного

контроля, в том числе и над молодежью. В 2015 г. появляется документ «Основы государственной молодежной политики...», целью которого является «гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодежи, расширение возможностей для эффективной самореализации молодежи и повышение уровня ее потенциала» (Распоряжение Правительства 2014). Возрастные границы молодости в нормативных документах увеличиваются до 30, а иногда, в отношении талантливой или высококвалифицированной молодежи, до 35 лет.

В дискурсе молодежной политики данного периода молодежь производится как группа, которая в «сложных условиях экономического и геополитического соперничества» в ходе «непрерывности воспитательного процесса, направленного на формирование российского патриотического сознания» выступает в роли инструмента, готового «выполнить гражданский долг и конституционные обязанности по защите интересов Родины» (Постановление Правительства 2015). При этом ключевой формируемой и воспитываемой ценностью становится «российская гражданская идентичность», предполагающая «общенациональное сознание, высокую нравственность, гражданскую солидарность россиян, воспитание у граждан чувства гордости за исторические и современные достижения страны, уважения к культуре, традициям и истории России» (Постановление Правительства 2015). Таким образом, государство определяет себя как актора, «воспитывающего» молодежь и, с одной стороны, «защищающего» ее от внешнего воздействия, а с другой стороны, ожидающего ответной защиты своих интересов от правильно воспитанной молодежи. В то же время молодежь конструируется и как «стратегическое преимущество» и основной носитель инновационного потенциала развития при «эффективном и продуктивном использовании» (Распоряжение Правительства 2014). Молодежь как носитель потенциала не только нуждается в правильном «воспитании», но и в эффективном «использовании» в государственных целях.

Патерналистская риторика практически полностью исчезает из нормативных документов, но надзирающая и контролирующая остаются и продолжают усиливаться. Более того, в документах не наблюдается артикуляций транзитуции молодежи во взрослость, которая так или иначе звучала в 1990-х и 2000-х. В нормативных документах конца 2010 гг. молодежь рассматривается «в отрыве» от других жизненных этапов – детства, подростковости и взрослости. Она формируется как группа, ценная здесь и сейчас, готовая к активной мобилизации в государственных интересах.

Таким образом, молодежная политика конца 2010 гг. больше не ориентируется на взросление молодежи, а замыкает молодых на текущий жизненный этап. Патерналистская забота со стороны государства полностью нивелируется, вместо этого усиливается риторика ответственности молодых за общественное и государственное благополучие. Молодежь дискурсивно конструируется как обязанные государству и полезные для него граждане.

Заключение

Анализ риторики молодежной политики, которая в значительной мере определяет не только публичную дискуссию в отношении перехода во взрослость, но и задает (или не задает) схему поддерживающих переход институтов, показывает, что артикуляция транзиции во взрослость существенным образом менялась на протяжении последних тридцати лет. Выделены четыре ключевых периода с особыми дискурсивными режимами молодежной политики в отношении взросления: 1990 гг. – режим избирательного патернализма; 2001–2005 гг. – режим воспитания и вмененной ответственности; 2006–2014 гг. – воспитательно-протекционистский режим; 2015–2020 гг. – режим мобилизации.

Ключевой особенностью молодежной политики РФ является постепенное исчезновение из документов горизонта взрослости для молодежи. Молодежь получает все более четкое возрастное определение, но молодость все больше начинает рассматриваться как автономный жизненный этап, не связанный ни с предыдущими, ни с последующими. Более того, молодость все больше артикулируется как требующая воспитания, причем морально-патриотического, и все больше инструментализируется – то есть рассматривается как доступный ресурс для решения геополитических задач.

Выражение признательности

В статье использованы результаты проекта «Взросление российской молодежи в 21 веке: поколенческий анализ», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Материалы для анализа

Постановление Правительства РФ (2000) *О федеральной целевой программе Молодежь России (2001–2005 годы)* № 1015 от 27.12.2000 г.

Постановление Правительства РФ (2015) *О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»* № 1493 от 30.12.2015 г.

Распоряжение Правительства РФ (2006) *Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации* № 1760-р от 18.12.2006 г.

Распоряжение Правительства РФ (2014) *Основы государственной молодежной политики РФ до 2025* № 2403-р от 29.11.2014 г.

Указ Президента РФ (1992) *О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики* № 1075 от 16.09.1992 г.

Указ Президента РФ (1994) *О федеральной программе «Молодежь России»* № 1922 от 15.09.1994 г.

Федеральный закон (1998) *Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации* № 124-ФЗ от 24.07.1998 г.

Список источников

- Балакирева Е. А. (2006) Ноу-хау в молодежной политике: необходимые преобразования или рискованный эксперимент? *Журнал исследований социальной политики*, 4 (4): 541–556.
- Евстратова Т. (2010) Молодежная политика современной России: проблемы и пути их решения. *Социальная политика и социология*, (5): 55–61.
- Жаринова Е. С. (2015) Патриотизм как фрейм и технология мобилизации молодежи России в поддержку современного президентского политического курса. *Власть*, (1): 74–78.
- Зубок Ю., Ростовская Т., Смакотина Н. (2016) *Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе*. М.: Перспектива.
- Ильинский И. М., Луков В. А. (2008) Государственная молодежная политика в России: философия преемственности и смены поколений. *Знание. Понимание. Умение*, (4): 5–14.
- Коряковцева О. А. (2009) Государственная молодежная политика в современной России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*, (1): 122–128.
- Майборода А., Саблина А., Ясавеев И. (2021) Государство для молодежи или молодежь для государства: дискурсы молодежной политики в странах Евросоюза и России. *Социологическое обозрение*, 20 (3): 71–97.
- Меркулов П. А., Бакалдина Е. С., Елисеев А. Л. (2015) Государственная молодежная политика в современной России: инструменты интеграции молодежи в общественные практики. *Власть*, (10): 27–32.
- Митрофанова Е. С. (2019) Модели взросления разных поколений россиян. *Демографическое обозрение*, 6 (4): 53–82.
- Подъячев К., Халий И. (2020) Государственная молодежная политика в современной России: концепт и реалии. *Вестник РУДН. Социология*, 20 (2): 263–276.
- Савченко В. В. (2010) Наркотизации молодежи российской провинции как угроза национальной безопасности страны. *Национальная безопасность/nota bene*, (6): 126–136.
- Смирнов В. А. (2014) Молодежная политика: опыт системного описания. *Социологические исследования*, (3): 72–80.
- Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. (2020) Переход к взрослой жизни молодых людей, имеющих опыт институциональной заботы. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3 (157): 94–118.
- Ярская В. Н., Ловцова Н. И. (2010) Молодежная политика: разные и пока не равные. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (2): 151–164.
- Ярская-Смирнова В.Н. (2010) Социальная инклюзия в молодежной политике. *Поволжский торгово-экономический журнал*, (1): 63–73.
- Ясавеев И. (2016) Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи. *Социологическое обозрение*, 15 (3): 49–67.
- Arnett J. J. (2014) *Emerging Adulthood. The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press.
- Anxo D. (2010) Towards an Active and Integrated Life Course Policy: The Swedish Experience. In: Anxo D., Bosch G., Rubery J. (eds.) *The Welfare State and Life Transitions: a European Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing: 104–127.

- Aronson P. (2008) The Markers and Meanings of Growing Up: Contemporary Young Women's Transition from Adolescence to Adulthood. *Gender and Society*, 22 (1): 56–82.
- Bendit R., Hahn-Bleibtreu M. (eds.) (2008) *Youth Transitions: Processes of Social Inclusion and Patterns of Vulnerability in a Globalised World*. Opladen, Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers.
- Biggs S., Kimberley H. (2013) Adult Ageing and Social Policy: New Risks to Identity. *Social Policy and Society*, 12 (2): 287–297.
- Brendtro L., Brokenleg M. (eds.) (2009) *Reclaiming Youth at Risk: Our Hope for the Future*. Bloomington: Solution Tree Press.
- Côté J., Bynner J. M. (2008) Changes in the Transition to Adulthood in the UK and Canada: The Role of Structure and Agency in Emerging Adulthood. *Journal of Youth Studies*, 11 (3): 251–268.
- Devlin M. (2010) Young People, Youth Work and Youth Policy: European Developments. *Youth Studies Ireland*, 5 (2): 66–82.
- Evans B. (2008) Geographies of Youth/Young People. *Geography Compass*, 2 (5): 1659–1680.
- Fairclough I., Fairclough N. (2013) *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*. London: Routledge.
- Follesø R. (2015) Youth at Risk or Terms at Risk? *Young*, 23 (3): 240–253.
- Furlong A., Cartmel F. (2006) *Young People and Social Change: New Perspectives*. Buckingham: Open University Press.
- Furlong A., Woodman D., Wyn J. (2011) Changing Times, Changing Perspectives: Reconciling 'Transition' and 'Cultural' Perspectives on Youth and Young Adulthood. *Journal of sociology*, 47 (4): 355–370.
- Ginwright S., Cammarota J., Noguera P. (2005) Youth, Social Justice, and Communities: Toward a Theory of Urban Youth Policy. *Social Justice*, 32 (3 (101)): 24–40.
- Mayer K. U., Schoepflin U. (1989) The State and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, 15 (1): 187–209.
- McLeod J. (2012) Vulnerability and the Neo-liberal Youth Citizen: A View from Australia. *Comparative Education*, 48 (1): 11–26.
- Nico M. (2014) Variability in the Transitions to Adulthood in Europe: A Critical Approach to De-Standardization of the Life Course. *Journal of Youth Studies*, 17 (2): 166–182.
- Roth J., Brooks-Gunn J. (2000) What do Adolescents Need for Healthy Development? Implications for Youth Policy. *Social Policy Report*, 14 (1): 1–20.
- Schoon I., Silbereisen R. K. (eds.) (2009) *Transitions from School to Work: Globalization, Individualization, and Patterns of Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schwartz S. J., Côté J. E., Arnett J. J. (2005) Identity and Agency in Emerging Adulthood: Two Developmental Routes in the Individualization Process. *Youth and Society*, 37 (2): 201–229.
- Berkel van R., Hornemann Møller I. (eds.) (2002) *Active Social Policies in the EU: Inclusion Through Participation?* Bristol: Bristol University Press, Policy Press.
- Walther A. (2006) Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences Across Different European Contexts. *Young*, 14 (2): 119–139.
- Woodman D., Wyn J. (2013) Youth Policy and Generations: Why Youth Policy Needs to 'Rethink Youth.' *Social Policy and Society*, 12 (2): 265–275.

*Nadezhda Nartova, Anastasia Sablina
Evgeniya Kuziner, Daria Petrunina*

ANALYSIS OF DISCURSIVE REGIMES OF TRANSITION TO ADULTHOOD IN THE NORMATIVE DOCUMENTS OF YOUTH POLICY IN RUSSIA

Youth as a stage of life presupposes the gradual acquisition of skills and competencies that allow one to achieve adult status. Modern models of the transition to adulthood are increasingly moving away from the linearity and preconceptions assumed by modernist life courses, becoming more flexible and dependent on individual biographical choices. Despite the 'privatization' and 'personalization' of the process of becoming an adult, the success of the transition largely depends on socio-economic conditions, various types of inequality, and national social policies. The state and the youth policy it implements play one of the most important roles in organizing possible and accessible modes of transition to adulthood for young people. This article is built on the intersection of two perspectives: the analysis of youth policy models, on the one hand, and the analysis of the transition into adulthood, on the other. The article focuses on the discursive modes of transition into adulthood in the normative documents of the youth policy of modern Russia. Based on the analysis of federal normative documents of the youth policy of the RF for the period 1990–2020. The article demonstrates that the articulation of transition into adulthood has changed significantly over the past thirty years. There are four successive dominant types of discourse that define the framework of the modes of transition in specific periods of time: 1990s – the regime of selective paternalism; 2001–2005 – regime of education and imputed responsibility; 2006–2014 – educational and protectionist regime; 2015–2020 – mobilization regime. A key feature of the youth policy of Russia is the gradual disappearance from documents of the horizon of adulthood for young people, and the constitution of youth as an autonomous life stage. And the young themselves are increasingly seen as a resource and a group ready for mobilization here and now, rather than as potential autonomous adults.

Keywords: youth, transition to adulthood, transition regimes, youth policy, discourse

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-7-22

Nadezhda Nartova – Senior Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University 'Higher School of Economics,' St. Petersburg, Russian Federation. Email: nnartova@hse.ru

Anastasia Sablina – Associate Research Fellow, Centre for Youth Studies, National Research University 'Higher school of Economics,' St. Petersburg, Russian Federation. Email: aasablina@gmail.com

Evgeniya Kuziner – Research Assistant, Center for Youth Studies, National Research University 'Higher school of Economics,' St. Petersburg, Russian Federation. Email: ekuziner@hse.ru

Daria Petrunina – Research Assistant, Center for Youth Studies, National Research University 'Higher school of Economics,' St. Petersburg, Russian Federation. Email: dpetrunina@hse.ru

References

- Arnett J. J. (2014) *Emerging Adulthood. The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties*. Oxford: Oxford University Press.
- Anxo D. (2010) Towards an Active and Integrated Life Course Policy: The Swedish Experience. In: Anxo D., Bosch G., Rubery J. (eds.) *The Welfare State and Life Transitions: a European Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing: 104–127.
- Aronson P. (2008) The Markers and Meanings of Growing Up: Contemporary Young Women's Transition from Adolescence to Adulthood. *Gender and Society*, 22 (1): 56–82.
- Balakireva E. A. (2006) Nou-hau v molodezhnoj politike: neobhodimye preobrazovanija ili riskovannyj jeksperiment? [Know-How in the Youth Policy: Necessary Transformations or Risky Experiment?]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 4 (4): 541–556.
- Bendit R., Hahn-Bleibtreu M. (eds.) (2008) *Youth Transitions: Processes of Social Inclusion and Patterns of Vulnerability in a Globalised World*. Opladen, Farmington Hills: Barbara Budrich Publishers.
- Biggs S., Kimberley H. (2013) Adult Ageing and Social Policy: New Risks to Identity. *Social Policy and Society*, 12 (2): 287–297.
- Brendtro L., Brokenleg M. (eds.) (2009) *Reclaiming Youth at Risk: Our Hope for the Future*. Bloomington: Solution Tree Press.
- Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) Perekhod k vzrosloy zhizni molodykh lyudej, imyushchikh opyt institutsional'noj zaboty [Institution-Reared Children and Their Transition to Adulthood]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye pereмены* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 3 (157): 94–118.
- Côté J., Bynner J. M. (2008) Changes in the Transition to Adulthood in the UK and Canada: The Role of Structure and Agency in Emerging Adulthood. *Journal of Youth Studies*, 11 (3): 251–268.
- Devlin M. (2010) Young People, Youth Work and Youth Policy: European Developments. *Youth Studies Ireland*, 5 (2): 66–82.
- Estratova T. (2010) Molodezhnaya politika sovremennoi Rossii: problemi i puti reshenia [Youth Policy in Contemporary Russia: Problems and Solutions]. *Social'naya politika i sociologia* [Social Policy and Sociology], (5): 55–61.
- Evans B. (2008) Geographies of Youth/Young People. *Geography Compass*, 2 (5): 1659–1680.
- Fairclough I., Fairclough N. (2013) *Political Discourse Analysis: A Method for Advanced Students*. London: Routledge.
- Follesø R. (2015) Youth at Risk or Terms at Risk? *Young*, 23 (3): 240–253.
- Furlong A., Cartmel F. (2006) *Young People and Social Change: New Perspectives*. Buckingham: Open University Press.
- Furlong A., Woodman D., Wyn J. (2011) Changing Times, Changing Perspectives: Reconciling 'Transition' and 'Cultural' Perspectives on Youth and Young Adulthood. *Journal of sociology*, 47 (4): 355–370.
- Ginwright S., Cammarota J., Noguera P. (2005) Youth, Social Justice, and Communities: Toward a Theory of Urban Youth Policy. *Social Justice*, 32 (3 (101)): 24–40.
- Il'inskij I.M., Lukov V. A. (2008) Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v Rossii: filosofija preemstvennosti i smeny pokolenij [State Youth Policy in Russia: the Philosophy of Continuity and Digeneis]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], (4): 5–14.
- Jarskaja V. N., Lovcova N. I. (2010) Molodezhnaja politika: raznye i poka ne ravnye [Youth Policy: Diverse but not Equal yet]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 8 (2): 151–164.
- Jarskaja-Smirnova V.N. (2010) Social'naja inkljuzija v molodezhnoj politike [Social Inclusion in Youth Policy]. *Povolzhskij trgovno-jekonomicheskij zhurnal* [Russian Journal of Retail Management], (1): 63–73.

- Jasaveev I. (2016) Lejtmotivy vlastnoj ritoriki v otnoshenii rossijskoj molodjozhi [Motifs of Government Rhetoric on Youth in Russia]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 15 (3): 49–67.
- Korjakovceva O. A. (2009) Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v sovremennoj Rossii [State Youth Policy in Modern Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], (1): 122–128.
- Maiboroda A., Sablina A., Yasaveev I. (2021) Gosudarstvo dlya molodezhi ili molodezh dlya gosudarstva: diskursi molodezhnoi politiki v stranah Evrosouza i Rossii [The State for Youth or Youth for the State: Discourses of Youth Policy in the EU and Russia]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 20 (3): 71–97.
- Mayer K. U., Schoepflin U. (1989) The State and the Life Course. *Annual Review of Sociology*, 15 (1): 187–209.
- McLeod J. (2012) Vulnerability and the Neo-liberal Youth Citizen: A View from Australia. *Comparative Education*, 48 (1): 11–26.
- Merkulov P. A., Malik E. N., Bakaldina E. S., Eliseev A. L. (2015) Gosudarstvennaja molodezhnaja politika v sovremennoj Rossii: instrumenty integracii molodezhi v obshhestvennye praktiki [The State Youth Policy in Modern Russia: Integrational Tools]. *Vlast'* [The Authority], (10): 27–32.
- Mitrofanova E. S. (2019) Modeli vzrosleniya raznyh pokolenij rossijan [Models of the Transition to Adulthood of Different Russian Generations]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 6 (4): 53–82.
- Nico M. (2014) Variability in the Transitions to Adulthood in Europe: A Critical Approach to De-Standardization of the Life Course. *Journal of Youth Studies*, 17 (2): 166–182.
- Podyachev I., Khaliy I. (2020) Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v sovremennoj Rossii: concept i realii [The State Youth Policy in Contemporary Russia: Concept and Realities]. *Vestnik RUDN* [RUDN Journal of Sociology], 20 (2): 263–276.
- Roth J., Brooks-Gunn J. (2000) What do Adolescents Need for Healthy Development? Implications for Youth Policy. *Social Policy Report*, 14 (1): 1–20.
- Savchenko V. V. (2010) Narkotizacii molodezhi rossijskoj provincii kak ugroza nacional'noj bezopasnosti strany [Drug Abuse among the Youth of the Russian Province as a Threat to the National Security of the Country]. *Nacional'naja bezopasnost'/nota bene* [National Security, Nota Bene], (6): 126–136.
- Schoon I., Silbereisen R. K. (eds.) (2009) *Transitions from School to Work: Globalization, Individualization, and Patterns of Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Schwartz S. J., Côté J. E., Arnett J. J. (2005) Identity and Agency in Emerging Adulthood: Two Developmental Routes in the Individualization Process. *Youth and Society*, 37 (2): 201–229.
- Smirnov V. A. (2014) Molodezhnaja politika: opyt sistemnogo opisaniya [Youth Politics: a System Description]. *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological Studies], (3): 72–80.
- van Berkel R., Hornemann Møller I. (eds.) (2002) *Active Social Policies in the EU: Inclusion Through Participation?* Bristol: Bristol University Press, Policy Press.
- Walther A. (2006) Regimes of Youth Transitions: Choice, Flexibility and Security in Young People's Experiences Across Different European Contexts. *Young*, 14 (2): 119–139.
- Woodman D., Wyn J. (2013) Youth Policy and Generations: Why Youth Policy Needs to 'Rethink Youth'. *Social Policy and Society*, 12 (2): 265–275.
- Zharinova E. S. (2015) Patriotizm kak frejm i tehnologija mobilizacii molodezhi Rossii v podderzhku sovremennoego prezidentskogo politicheskogo kursa [Patriotism as a Frame and Technology to Mobilize the Russian Youth to Support the Modern Russian Presidential Policy]. *Vlast'* [The Authority], (1): 74–78.
- Zubok Yu., Rostovskaya T., Smakotina N. (2016) *Molodezh i molodezhnaya politika v sovremennoj rossiskom obshchestve* [Youth and Youth Policy in Contemporary Russian Society]. M.: ITD Perspektiva.